

Культура

Время рожать

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

**«Дети священника»,
Театр Пушкина
(филиал). Постановщик
— Александр Огарев,
художник — Юрий
Хариков, в главной роли
— Николай Чиндяйкин.**

«Пушка» вообще и ее филиал в частности (если только не в первую голову) за последнее время стали местом паломничества продвинутой театральной публики и объектом повышенного журналистского любопытства. «Пушка» — ага!.. Филиал — ага!.. Значит, сто пудов, не зря время потеряем. В театр, как на randevu, надо бежать с холодком предвкушения под ложечкой, и на спектакли, как на свидания, ходить только по любви. Не всегда удается, конечно, но в идеале — именно так.

Что же представляют собой «Дети священника»?

Пьеса молодого (как говорят) хорватского драматурга Мате Матишича. В портфеле «Пушки», насколько я понимаю, уже несколько лет, — пару сезонов назад свежеевропейский худрук Роман Козак публично заявил о намерении ставить ее самолично. Планы эти, по всей видимости, откладывались и переносились, Козак стало неловко перед автором или захотелось поддержать другое молодое дарование, режиссера Огарева, и вот, «Дети...», наконец, рождены. Думаю, что без особых мук. Прелесть никому не известной пьесы именно в том, что она никому не известна, и зритель можно увлечь фавбулой, особенно если история занятая. У Матишича занятая, безусловно. Вообще, чем больше появляется в московской афише восточноевропейских пьес, тем острее зависть к бывшим соседям по соцлагерю. Ну почему они придумывают новое, а нас засосало болото постмодернизма? Ни один молодой российский драматург (учитывая тех, кто работает в соавторстве с братьями, сестрами, бабушками, дедушками и прочими родственниками) не в состоянии сделать главное — сочинить оригинальную историю. И не про себя, любимого, а так, чтобы в ней участвовал хотя бы пяток персонажей, действие логично двига-

лось от завязки к финалу, и текста бы хватило не на час с четвертью, а на два полноценных акта... Пока мы пересмешничаем, люди трудятся. Душу напрягают.

Хорватия преимущественно (точнее — на 77%) страна католическая. Католицизм, как известно, с особой неприимостью относится к контрацепции. Главный герой Матишича — священник дон Фабиан, моральным осуждением довольствоваться не хочет. Он взял проблему воспроизводства граждан в собственные руки. Руки — это буквально. Составив преступное сообщество с киоскером Петаром, дон Фабиан прокалывает иголкой новенькие презервативы, а Петар упаковывает их, как было, и продает. Почему Петар сам не мог и прокалывать, и проколотым торговать, я не поняла. Ну да ладно. Миссией своей эта парочка гордится: по церковному «бухучету» крестин, наконец-то, стало больше, чем отпеваний, то есть рождаемость превысила смертность. Следующее поколение горожан могло бы сказать: «Все мы вышли из дырявого презерватива»; но и Петар, и его духовный отец, разумеется, строго хранят свою тайну.

Единственная, кого им приходится посвятить, — жена Петара, бездетная Марта. Почему детей нет, мы узнаем чуть позже. Уже после того, как супруги устроят перед нами гадкий, гнусный, свинский скандал с криками про «водянистую сперму» и готовностью Петара продемонстрировать всем желающим содержимое своих семейных трусов...

«Дети священника» — это прежде всего комедия положений, доведенных до абсурда, до фантазмагории, но за три часа она динамично перетекает в трагикомедию, детектив, триллер и философскую драму. Здесь почти не говорят о сексе, а лишь о том, что бывает естественным результатом секса, — о появлении нового человека. Акушерско-гинекологические темы не сходят у героев с языка. Кто-то хочет иметь детей, но не может, кто-то может, но не хочет; одна со слезами идет на аборт, чтобы спасти себя, другая рождает и бросает ребенка, чтобы спасти его. В спектакле будет подкидывш, вокруг которого сплетут шпионскую конспиративную сеть; будет тайное убийство; тайная же любовная драма; психическая, куда попадет в итоге святой отец и где ему предстоит на-

слаждаться вокалом умалишенных («Вернись в Сорренто» и «О, солё мои!»); диалог с загробным миром, слияние миров — того и этого — до полной неразличимости, так что смерть празднуют, будто рождение, с ликованием и в светлых одеждах...

Дон Фабиан хороший человек, но он мужчина. Целибат может (не всегда успешно) отменить мужское достоинство, но не мужские мозги. Падре заблудился в трех соснах и, думая, что спасает грешников, сам основательно нагрешил, просто от того, что он не женщина. Для женщины не существует понятие «рождаемость». Тупое безликое слово, придуманное политиками-мужчинами, которым ни носить, ни рожать не надо. Женщина производит на свет ребенка не с целью заселить окраинные земли, обеспечить страну рабочей силой, а армию — солдатами. Плевать она хотела, если честно, на вашу страну, землю и армию. Вся ее страна — это ее ребенок, и вся земля — ее ребенок, и все герои Матишича, здоровые или сумасшедшие, готовы хоть до конца жизни не подниматься с колен, хоть умереть, лишь бы сделать счастливым своего

ребенка. Или ребенка, которого они считают своим...

Голос Хосе Каррераса, оглушительные вопли младенца, жутковатое этно и пистонная пальба, которую следовало бы запретить на театре под угрозой штрафа, — «Дети священника» шумное и нервное зрелище. С очень тихой «моралью»: никогда не лезьте с ногами в чужую жизнь. Рождение человека — от Бога, и Нерождение — тоже от Бога, и не надо считать себя умнее Его. Может быть, сразу за «Не убий» должна была следовать заповедь «Не принуждай никого жить насильно». Наверное, это противоречит всем ортодоксальным учениям, но кто сказал, что проторенная дорога — обязательно верная? Конечно, надо ложиться в постель только с любимым человеком, хранить ему верность и рожать столько раз, сколько зачнется, но не всегда это получается.

Хотя в идеале — именно так. Зальчик в филиале «Пушки» очень маленький и невыносимо душный. С актеров, особенно с бритой головы Чиндяйкина, ручьями катится пот. Зрители ожесточенно гоняют воздух программками. Публика здесь сидит по двум

Следующее поколение горожан могло бы сказать: «Все мы вышли из дырявого презерватива», но священник и киоскер хранят свою тайну...

сторонам площадки, лицом друг к другу, от сцены ее отделяют два одинаковых тюлевых занавеса, и к каждому подвешено по паре крупных белых яиц. Это чтобы не потерять чувство юмора. Между занавесами практически ничего нет — панели из мореного дерева да странная фигурка сидящего Христа. Подпирает рукой щеку, пригорюнился: что ж вы, братцы, творите?..

Поскольку история захватывает, то блестящей игры от актеров не требуется. Обаятельного и мужественного Николая Чиндяйкина, чье лицо до боли знакомо по разным сериалам, на сцене я лично встречаю впервые. Правда, лет пять назад довелось видеть его очень слабую режиссерскую работу в антрепризе — «Железный класс» Альдо Николаи. Вообще же Чиндяйкин крепко повязан со «Школой драматического искусства», закончил режиссуру в ГИТИСе на курсе Васильева, работал с Гротовским. Актер он правдивый, спокойный и естественный, и смотреть на него «живьем» приятно.

Александр Огарев тоже ученик Васильева, но он вполнине моложе, чем Чиндяйкин, и в его послужном списке пока две заметных постановки — «Стеклянный зверинец» в РАМТе и прошлогодняя «Парящая лампочка» по Вуди Аллену в том же филиале «Пушки».

Я не скажу, что для Огарева или для кого-то из его актеров «Дети священника» стали поводом создать шедевр. Но это умный, смешной, чрезвычайно интересный спектакль на тему, которая волнует абсолютно всех. Поскольку наши драматурги на такие темы не высказываются, спасибо Хорватии.